

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СВЕТ

Экран и сцена - 1998 - март-апр (№12) - с. 10

Профессия для ленивых

Когда-то Анатолий Эфрос заметил, что у иных актеров жизненный опыт "совсем минует профессию" — актер хоть что-то пережил как человек, но в его творчество это не входит, таланта не прибавляет. А Калягину годы и опыт будто прибавляют таланта. Идет одновременное обогащение актера и человека. Будто гири кто-то кладет на чашечки весов. Но сам Калягин от этого становится не тяжелее, а легче".

Если поверить Честертону и предположить, что бывают люди-четверги, понедельники, субботы, то надо признать, что Александр Калягин точно подойдет под определение человек-праздник.

Как ни странно, с годами это его качество становится более очевидным. И кто знает, не в этой ли талантливой легкости "игры с жизнью" секрет всей его обаятельности?

ланта? И он мне ответил — до сих пор храню это письмо как охранную грамоту. "Саша, — писал он незнакомому мальчишке, — талант не достигается. Это то, что дано или не дано природой. Но я верю в жизни только в одно: в труд". Я отнесся к этому утверждению, как мы вообще относимся к постулатам (библейским, скажем): уважаем, но не придерживаемся.

— Зная вашу биографию, списки сыгранных ролей, в вашу лень трудно поверить...

— Но я, действительно, очень ленив. Я обожаю ничего не делать: поваляешься, почитаешь газету, почитаешь книгу. Такое милое, очаровательное шалтай-болтайство. Я фило- нил, прятался от своих работодателей всеми способами. Никита Михалков вспоминал недавно, как я иногда брал трубку и притворялся, говоря другими голосами. Я люблю побыть Обломовым, только мне это редко удается.

— Жизнь заставляет вертеться?

Именно жизнь. К абзацу о лени надо добавить сноску (вроде тех, что так любил Лев Толстой). Годам к двадцати-тридцати, когда юноша становится мужчиной, когда появляется семья, появляется ответственность, когда ты уже вкусил чуть-чуть первого успеха, когда ты уже встретил какого-то учителя, когда научился чему-то (это я все через запятую говорю), когда ты уже к этой жизни относишься не потребительски: не то что давай-давай, я пришел, а умеешь чуть-чуть ждате, научились терпению: наступает период, когда человек начинает понимать удовольствия труда, работы. И вот какое-то время человек запойно трудится. Считает это самым главным — роли, спектакли, фильмы. Но вот мы с вами сидим, и вы спрашиваете: что бы изменилось, если бы я выбрал другой путь? И вот сейчас, весной 1998 года могу сказать, что ничего бы не изменилось. Ну, больше сыграешь, ну, меньше сыграешь. Напишут обо мне на две странички больше или меньше. Вы не обижайтесь, но статьи обо мне... Похвалят — приятно. Обругают — ну, испортят настроение на день-два, на неделю, на месяц. Но чего-то главного не задевают. Есть близкие люди: моя семья, друзья, — я их не подвел, не обманул. Доказал, что актерство — моя профессия.

— Неужели и вам надо было доказывать свою профпригодность?

— А как же! На втором курсе Щукинского училища меня собирались отчислить за непригодность. У меня, действительно, ничего не получалось. Я сейчас очень хорошо понимаю педагогов. Взяли мальчишка: вроде глазки ясные, пухленький. Ну, куда его приспособлять, этого двадцатилетнего оболтуса? Кого он, уже сейчас лысеющий, будет играть? Отцов? Внешне очень невыгодный. Нет ни ярко выраженной характеристики как у Краморова или Никулина. Нет никакой социальной типичности. Ничего героического. При всем том ничего не умеет делать: этюды не умеет, на мастерстве актера зажат, ничего не предлагает. Бездарен во всем. Мою фамилию должны были обсуждать на кафедре актерского мастерства, все было решено, ждали только Бориса Евгеньевича Захаву. Но тут объявили вечер самостоятельных работ. Я выбрал рассказ, понимая, что меня ничего не спасает. Мой друг посоветовал чеховский рассказ "Свидание, хотя и состоялось, но..." Это такая история восемнадцатилетнего гимназиста, который собирает вечером на свидание. А с утра его начинает колотить. Он покупает десять бутылок пива, начинает выпивать. Приходит, пьяный, на свидание. Ну, и так далее. Этот рассказ меня спас. Потом его показывали в концертах щукинцев как своего рода "гвоздь программы". Все стали сразу доброжелательны. И тут я открыл для себя, что работать могу только в среде, где меня любят.

Я не из тех, кто любит бегать, суесться, добиваться. Я не из этих. В своей профессии я искал маленькую щелочку, где смогу остаться самим собой, остаться всеми способами. Толя Смелянский однажды очень точно написал про меня к моему пятидесятилетию: "Калягин — кошка, которая гуляет сама по себе". Я могу быть в стае. Но я использую любую возможность полежать, помурлыкать сам по себе.

— Но независимость дорогое удовольствие, особенно для актера, который зависим от всего: от партнеров, режиссера, портного, дирекции. Как вам удалось сохранить свободу прогулок?

— Я ведь не раз уходил. Начинаящим актером ушел из популярнейшего театра на Таганке, куда попасть была мечта любого актера. Подчеркиваю: сам, по доброй воле ушел в театр Ермоловой, куда зрители не ходили. Нас подобралась прекрасная команда: Катя Васильева, Лева Крутой. Катя Еланская поставила "Стекланный зверинец", и об этом спектакле писали даже в газете "Правда" (вы сейчас даже не понимаете, что тогда значила статья в "Правде"). А потом вообще ушел в никуда, в черную дыру — во МХАТ с Олегом Ефремовым. В самый тяжелый период жизни, когда умерли жена, мама, я остался один с пятилетней дочкой и понял, что не успеваю: накормить вовремя, погулять, позаниматься, — я подумал впервые всерьез о смене профессии.

Уже не помню, прочитал это где-то или услышал: в театре надо работать с ощущением, что ты в любую минуту можешь из него уйти. Это в любой профессии важно. Но в театре особенно: не быть рабом. Мы же воспитаны репертуарным театром: актеры дорожат своим местом, гримуборной, своим репертуаром, своей дирекцией — плохие они или нет, но свои. Однако по-настоящему можно работать только с внутренним ощущением, что ты свободен.

— Упомянутую статью к вашему пятидесятилетию Анатолий Смелянский закончил словами: "Калягин сейчас на распутье". Это был 1992 год. А 1997-й у вас, действительно, начался довольно крупной переменой: свой театр, СТД. Мне бы хотелось понять — это случайный вираж или логическое продолжение вашего пути?

— 1993-й — важно понять, какое было время. Это был развал всего. МХАТ переживал свое разделение. Снимались с репертуара спектакли. Одна за другой уходили дорогие мне роли. Полетел один из моих любимых — "Тамада" Гинкаса. Я очень переживал. Все было мучительно. МХАТ ничего предложить не может. Ефремов сам на распутье. Эфроса нет. Гинкас у нас не ставит. Умирают близкие друзья или уходят из театра. В эти годы я перешел из штата на контракт. Кстати, это время полного обвала и в кинематографе: фильмы не снимаются, кинопрокат развалился. Я неустраиваем даже тут. Я, действительно, находился на распутье. Такой классический русский вопрос: что делать?

А тут свои ребята, студенты, начинают тебя теребить. И ты еще не думаешь о театре. А просто хочешь им помочь.

— Так-таки совсем не думаешь?

— Давай расставим точки над "i". Нет у меня амбиций Мейерхольда. Я покажу Станиславскому, как надо ставить! Я же прекрасно понимаю, что я не Петр Фоменко и не Роман Виктюк. Я артист, который имеет опыт игры на сцене; я ставил пьесы в разных театрах. Не вдаваясь в подробности, могу сказать, что "баловство", которое я затеял, могло закончиться для меня трагически. Даже не потому что у меня был инфаркт, но трагически в смысле получения тяжелой моральной травмы. Я занялся строительством театра, не предполагая, что это связано с тяжелой, кровавой игрой с властью.

04.98

Экран и сцена - 1998 - март-апр (№12) - с. 11

ми. Что придется общаться с людьми не моей группы крови, непохожими на меня даже способами мышления. Театр был той самой опасной игрушкой, которая была готова взорваться в любой момент, если не успеешь вовремя выдернуть чеку.

Почему? Менялась страна. А тут к чиновникам приходит известный человек и просит то, от чего пахнет кровью: недвижимость. Я когда шел на очередную встречу, заряжал себя следующей мыслью: "Неужели эти люди, которые так любили какие-то мои роли, не откликнутся? Может не получится, сорваться, но дайте же осуществить мою мечту". Я же им не говорил, что мне в семь лет подарили театр, где раздвигался занавес. И главное, можно было просунуть сзади руку и еще закрытый занавес слегка пошевелить. Это давняя театральная хитрость: перед началом спектакля помощник режиссера проходит вдоль занавеса и раза два по нему ударит. А в зрительном зале это дает предощущение чуда. Зритель — он же по статусу дурак. Он приходит, платит деньги, чтобы его обманули.

— И в "Et Cetera" такое чудо происходит?

— Теперь об "Et Cetera". Да, мы должны доказывать право на существование. Да, надо приглашать режиссеров. Да, актеры должны хорошо играть. Я убежден, что у нас хорошие актеры в театре. Другое дело, что у них долгое время была жизнь бомжей. И что требовать от человека, который все время переезжает, даже не успевает побриться? Естественно, что у такого бомжа то изо рта пахнет, то, простите, под мышками. А когда он переехал к себе на новую квартиру и выходит к тебе побриться, в новом костюме: мама родная, какой же он красивый оказывается! Мы же постоянно переезжали, репетировали то в Тушино, то на Арбате, то в ДК каком-нибудь. Подчеркиваю: у меня был изумительный курс. Их всех растаскали по театрам. Осталась только часть из них, и не потому, что были неспособны. Просто случай. Так что они собирались, что-то делали, меня приспосаблили. Я втянулся и в результате увлекся этой игрушкой. Тогда родилась идея своего помещения. Потому что театр, действительно, начинается с вешалки. Свой дом, свой воздух, своя атмосфера. Меня часто спрашивают: а что если бы этого не было? Ну, было бы что-нибудь другое. Я не знаю у вас так было в жизни, что начинаешь что-то писать, и вдруг выясняется, что это становится главным в жизни. Я втянулся, меня засосало. Это было чертовски тяжело, но была какая-то радость: ну, сейчас добьюсь. Хочу переломить, хочу это сделать.

— А кресло председателя СТД — следствие той же линии? Продолжение той же большой игры?

— Вот мы сидим в кабинете и на стене висят портреты великих людей. Я все хочу повесить портрет Михаила Ульянова. Однако у него все времени нет позировать. Но считаю ли себя их прямым наследником? Когда я учился в театральном училище, меня учили, что есть два великих актера: Чарли Чаплин и Михаил Чехов, а мы все так — подмастерья. Это сейчас легко раздаются эти эпитеты, как плевок: выдающийся, популярный, великий. Сыграл три роли — великий. Когда же меня выбрали председателем, я себе сказал: Саша, поломать эту систему, заложенную уже сто двадцать лет, может либо круглый идиот, либо сама жизнь. К идиотам я вроде бы не отношусь. Хотя со стороны виднее. А если разрушит сама жизнь — тут уж ничего не поможет. Значит, самораспускаемся. И начинается что-то другое. А пока СТД продолжает свою работу: люди ездят, проходят совещания, кабинеты работают. Даже ежегодный фестиваль "Золотая маска" тянем. Работаем понемногу.

— Если я правильно понимаю, вы открыли в себе много неожиданных качеств "делового человека"?

— Однажды, когда я смотрелся в зеркало, моя жена спросила: "ну, и на сколько, по-твоему, лет ты выглядишь?" И я ответил: "на семь! Как был дурак, так дураком и остался!". Я довольно часто выгляжу таким дурашливым, несерьезным человеком. И я сам себе часто повторяю: "Саша, ну соберись!". Но это обманчивое впечатление. Внутренне у меня всегда работают такие датчики: все анализирую, ничего не пропускаю. Я могу забыть какие-то вещи, но они откладываются где-то в подкорке мозга. Это помогает сохранить критичность. Не считать себя пупом земли или гвоздем, на котором все держится.

Беседовала Ольга ЕГОШИНА

74